

ДЖЕК ГЕЛЬБ

ПЕЛИКАН

МЕСТЬ ЗАМКА РАТЛИН

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г32

Художественное оформление *А. Андреева*
Иллюстрация на переплете *Марины Луниной (Selann)*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Bro Studio, Vector Tradition / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении авантюры использована иллюстрация:

© Kseniakrop / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гельб, Джек.

Г32 Пеликан. Месть замка Ратлин / Джек Гельб. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-184992-4

Когда-то стены замка Ратлин были обителью гордого клана Макдонеллов. Сейчас же в этих руинах, окутанных вечным туманом, нет ни малейшего отголоска былой славы. С поднятым белым флагом клан был беспощадно уничтожен по приказу королевы Елизаветы. Финтан Макдонелл, чудом выживший в страшной резне, лишился дома, семьи и покоя. Всё, что у него осталось, — священная клятва мести. Оба генерала — Норрейс и Дрейк — вот-вот отбудут из Плимута в торговую экспедицию. Финтан ни за что не упустит этот шанс — он готов на всё, чтобы подобраться к убийцам семьи. Чтобы свершить свое правосудие, Финтан становится частью команды капитана Дрейка, даже не догадываясь о том, куда и с какой целью на самом деле отправляется «Пеликан».

УДК 821.161.1-31

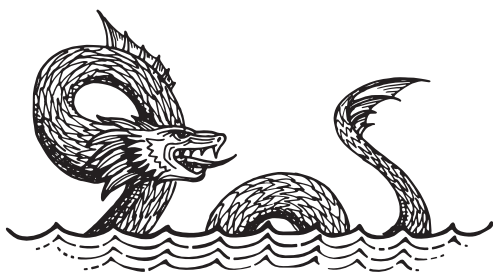
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Джек Гельб, 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-184992-4

*Чем шторм громче,
тем быстрее он проходит*

ГЛАВА 1 ТУМАН

*Портраш, графство Антрим
1577 год*

Каменный хребет гнулся под тяжким бременем. Внизу, уже изголодавшись, бились морские бесы. Их кучная возня сбивалась седой пеной.

Граф Рене Готье стоял перед обветшалым мостом, ведущим к замку Данлюс. Тьма сгустилась, плотно укутав собой зловещие руины. Воля его колебалась, как ветхая ткань на ветру. Едва ли что можно было разглядеть под ногами. Даже при свете дня восхождение к замку было задачей нелегкой, а теперь, когда опустилась беспробудная ночь, и говорить нечего. В тот момент, когда граф вот-вот обернулся бы назад, вернулся по скалистой дорожке обратно в бухту и стал бы искать ночлега в жалких домишках, он увидел знаменье, явившееся за миг до отречения от данной клятвы.

Замок был жив. Он дышал изнутри, отбрасывая длинные тени в кромешной тьме. Этот проклятый огонь и был той мятежной неупокоенной душой, ради которой Рене явился сюда. Пересилив страх, граф ступил на ветхий мост. Камни пугливо шевельнулись, перестукнувшись друг с другом. Рене замер, прислушавшись, и через несколько мгновений

продолжил идти вперед, на зов багряного пламени, что трепыхалось в груди замка.

Обломки дверей давно гнили на каменном полу. Граф перешагнул через них и оказался в зале. В углу, под правым боком каменной лестницы, и бился трепыхающийся огонек. Вверх тянулась резкая полоса черной сажи и копоти. Пламя оживало в этих стенах не в первый раз.

Граф настороженно обернулся, оглядываясь. На ободраных стенах плясали длинные тени, глумливо извиваясь по прихоти пламени.

— Ты здесь? — спрашивал Готье.

Эхо еще не успело стихнуть под высокими сводами, как багряная вспышка блеснула на лезвии меча — клинок рассек крошечную тьму и обрушился в шаг от проворного Рене. Новый замах не заставил себя долго ждать, но и граф был начеку. Пригнувшись, Рене схватил камень с земли и метко швырнул в голову противника, в ответ услышав злобный рык сквозь зубы. Отступая назад, Рене оступился, уклоняясь от нового разящего удара. Черная фигура выпрямилась, быстро переводя дыхание. Граф мог разглядеть глаза с суженными от ярости зрачками, источающие слепое отчаяние за гранью помешательства. Ржавая борода неровными клочьями выступала на худом подбородке и впалых щеках. Грязно-красные волосы исполосовали бледное лицо, замаранное одеяние свисало бесформенным рваньем.

— Кто ты?! — вопрошал Готье, не отводя взгляда.

Стиснув зубы до скрипа, оборванец приставил лезвие к самому горлу графа.

— Ты Финтан Макдонелл? — спросил Рене, ощущая холод на своей шее.

Меч дрогнул, и графу показалось, что в следующее мгновение он расстанется с жизнью: грубое лезвие поца-

рапало шею, и тонкая струйка крови спустилась под воротник.

- Откуда ты знаешь это имя? — сипло спросил Финтан.
- Я знал того, кто был там, в Ратлине, — ответил Рене.

* * *

В такие дни кажется, что время застыло. Оно замерло в мутном тяжелом тумане. Серость разъела горизонт, и тот сросся с темно-серой водой, стал единым замершим монолитом: непоколебимым, молчаливым и холодным, как вечность. В этой пустой и бесполезной вечности, где-то внизу скалистого мшистого утеса, волны бились о скалы, а чайки пронзительно срывались друг на друга. Этот отдаленный гулкий шум мог ненадолго отвлечь от тяжелой мысли: время сковано неподъемными цепями, оно замерло на месте, и этих скал еще не касалась такая сила, что способна вновь заставить день сменяться ночью. Сутки слипались, небо то светлело, то темнело, но один день ничем не отличался от другого.

В этом тумане, который застилал собой все вокруг так, что верх нельзя отличить от низа, а день от ночи, плыла одинокая фигура, закутанная в черную шерстяную куртку и шарф, закрывавший от суровой непогоды. Тень брела, больше похожая на мрачное видение, скверный вымысел, нежели на человека с бьющимся сердцем и горячей кровью. Бесцельно бредущий призрак замер. Его пробила дрожь. Виной тому были вовсе не холод и сырость, которые неслись семью ветрами. Туман, подлый поделщик греха и обмана, прятал в молочной завесе каменную громадину — замок Данлюс. Давно поверженный каменный великан покоился тут на растерзание всем проклятьям холода и моря. Тянулся гнусный писк, который следует после резкого шума, раз-

рыва снаряда над самым ухом. После нескольких мгновений воцарилась тишина, жуткая тишина, которая правила в могучих стенах некогда живого замка, залы которого были натоплены, отогреты изнутри, а снаружи гордо вывешивались знамена смелого и непокорного клана Макдонеллов.

Сейчас перед глазами были лишь обглоданные временем и запустением руины, но в памяти воскрес герб — щит, разделенный на четыре равных фрагмента. На первом красный лев вставал на дыбы и хищно скалился, предаваясь пламенной свирепости. Подле него, по левую сторону, изображалась рука, держащая крест. На нижних двух фрагментах располагались рисунки трехмачтового галеона и рыбы. В самом центре, меж четырех знаков, орел распахивал крылья, и поверх него еще один корабль гордо поднимал три флага. Память с пугающей точностью воскрешала это изображение в памяти, беспощадно терзая старые раны.

Пересилив себя, странник отвел взгляд и продолжил свой путь. Через пару минут тень-призрак добрался до крутого склона, где его ожидали грубо вырубленные ступени, если так можно было назвать кривые уступы, пробитые вразнобой, блестящие от влажного тумана. Преодолев спуск, странник оказался в укромной бухте, надежно скрытой от посторонних глаз широкоплечими скалами, которые нависали исполинскими великанами. Если же чей-то зоркий глаз и смог бы с моря углядеть это укромное пристанище, ему пришлось бы сойти на шлюпки, ибо тут коварная черная вода лукаво прикрывала зубастые и голодные скалы.

Давно и удобно расположившееся тут запустение не собиралось никуда уходить, плотно укутавшись в туманы и шум прибоя. Тусклый и унылый вид набережной заверял, что в этих краях время остановилось, ибо иного объяснения, отчего же ветхий причал еще не сгнил, попросту

не было. Доски на пирсе давно разошлись, если когда-то и были подогнаны по размеру, во что сейчас верилось с трудом. К этому жалкому пристанищу притулились несколько худеньких или, напротив, разбухших лодок. Какой-то бледный продрогший бедолага стоял по колено в воде и красными от холода руками пытался залатать пробоину. Чайки, покачиваясь, либо ходили по берегу с величием благородного феодала, оглядывающего свои владения, либо с яростным запалом сражались за рыбы головы и хвосты, которые нет-нет да и перепали из рыбной лавки, помимо которой тут, в бухте, приютилась еще пара покосившихся домиков.

Погрузившись в свои мысли, укутанная тень побрела прочь с причала, глядя себе под ноги, когда звериная чуйка заскреблась в холке. Взгляд поднялся сам собой и, прежде чем рассудок, принялся истолковывать увиденное. Тот, кто наблюдал за странником, был весьма заметной фигурой и даже непомерно громоздкой. Здоровяк более двух метров ростом полулежал на камнях, опираясь на один локоть. Мех на старом плаще был невесть из какой грубой щетины, уже порядком поредевший — то тут, то там не хватало клок. Судя по распахнутой на груди рубашке, здоровяку был нипочем гнев семи ветров. Первая же мысль о пьянице, не добредшем до укрытия, быстро улетучилась — ничем спиртным не пахло и в помине, крепкий здоровяк попросту был не из мерзлявых. На теле синели отметины недюжинных схваток, заметнее всего был шрам прямо на груди, у самого сердца. Помимо рубцов и ожогов, синели и рисунки на обгорелом под палящим солнцем теле, уже порядком расплывшиеся и выцветшие, выдававшие бывалого морского волка. Волосы и борода изредка пресекались проседью. На вид ему могло запросто быть за сорок, а то и за пятьдесят лет, и с первого взгляда было видно — здоровьем он не обижен.

Финтан, как и любой беглец и изгнанник на его месте, насторожился, ибо уже два года как подобные встречи не сулили ничего хорошего. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Благословите в дальний путь, — здоровяк нарушил тишину и протянул руку.

Плечи Финтана невольно расслабились от добродушного тона.

— Вы обознались, — мотнул головой Финтан. — Я не священник.

— Да ну? — удивился незнакомец. — Да плевать! Неужто пожалеешь пару добрых слов? Путь мне держать неблизкий, согдится благословение хоть кого!

— Бог давно отвернулся от меня, — горько усмехнулся Финтан.

Здоровенная ручища все еще была протянута, но слегка дрогнула от страшных слов.

— Отчего ж? — участливо спросил незнакомец.

Финтан прищурился и, сам не зная того, хмуро свел брови.

— Видно, Бог боится смотреть мне в глаза после того, что он сделал, — просто ответил Макдонелл.

Великан присвистнул.

— О как... — вздохнул здоровяк, почесав затылок. — Что ж, голубчик, не буду тогда докучать тебе. Дела, гляжу, у тебя много сквернее моих.

Невольно губы Финтана дрогнули, и греющее душу коварное лукавство все же блеснуло на поверхности.

— Все не так уж и скверно, как день назад. Большому кораблю — большое плавание, — напутственно произнес Финтан.

Морской волк посмеялся с этих добрых слов. Он положил ручищу на грудь и, оставаясь верным своему слову, не стал больше докучать.

За два года мост, соединяющий замок с островом, еще больше разрушился. Камни осыпались и падали в черную воду. Ни один здравомыслящий человек, ценящий хоть сколько-нибудь свою жизнь, не ступил бы на этот мост, да и нечего делать было в заброшенном и разграбленном замке Данлюс.

Финтан замер на несколько мгновений, глядя издали на развалину древнего родового гнезда, подняв бледное лицо к небу. Бескрайняя пелена заволочла все вокруг. Он вслушивался в вой семи ветров, в обманчивые песни морских волн. Точно язычник, читающий знаки судьбы в полете птиц, он вглядывался в небо с прищуром, и пасмурное небо резало ему глаза даже таким невнятным блеклым светом, который украдкой просачивался сквозь серые облака.

Без тени сомнения и страха Финтан Макдонелл прошел по мосту, опустив голову себе на грудь. Едва ли он мог что-либо разглядеть — шарф и поднятый воротник закрывали взор. Скользкие камни то и дело покачивались, точно норювля пугливо отползти в сторону. Некоторым булыжникам это даже удавалось, и они летели вниз. Достигнув водной глади с резким всплеском, они надежно укрывались непроницаемой толщей холодного моря и долгие годы безмятежно покоились на сером морском песке.

Миновав мост, Финтан оказался под высокими сводами: голыми, пустыми и израненными пушечными орудиями и мародерами. Замок умирал, неумолимо и уродливо. Тем большее было Макдонеллу ступать по фамильной обители, чем более полно и ярко в его памяти оживали годы величия и процветания.

Воздух тогда был смешан с медом и хмелем. Двери распахивали настежь, чтобы выпустить натопленный жар,

а вместе с ним и бойкие песни с разнuzданными куплетами. Но два года назад жизнь покинула эти стены, ее отсюда вырвали, прогнали на остров Ратлин, а оттуда — в пещеры. Дальше уже было некуда бежать.

Но день сменяет ночь, старые светила сменяются новыми. Наконец путеводная звезда Финтана воссияла на небосводе. Нет, юноша не видел ее света, и даже если бы грузно-свинцовая толща облаков разошлась по велению чьей-то могучей воли, он бы не увидел ее. Но сердце билось иначе, и сердце было не обмануть, оно согревалось этим ярко-багряным светом, светом самой жизни.

Нельзя было терять ни мгновения. Миновав пустые залы, Макдонелл спустился по разбитой лестнице со съехавшими вниз плитами. Глаза быстро приспособились к привычному полумраку подземелья. На ощупь Финтан побрел к тайнику в стене. Неизвестно, от чьих глаз он скрывал свои сокровища. Может, и от своих собственных, не будучи в силах смотреть на единственный осколок некогда великого рода. Разобрав камни и вытащив реликвию, обернутую в потертое сукно, Финтан крепко сжал в руках семейную святыню — отцовский меч и герб. Это все, что он смог сохранить. Больше ничего не осталось.

* * *

Раннее утро. По крайней мере, об этом провозгласил колокол, звучащий в паре километров от притаившейся бухты. Ничто больше вокруг не указывало на то, что близится новый день. Вся та же серая завеса окружала скалы и море, все путала и меняла местами небо и воду, верх и низ, стирая меж ними грань.

Лодка стукнулась о причал, вернув Финтана из мира смутных грез — странствия научили впадать в легкую дрему сидя и иногда даже стоя. Ощущение жизни медленно воз-

вращалось к продрогшему телу, по коже пробежали мурашки. Глаза, расслабленные лишь на несколько минут, вновь зорко принялись вглядываться в тени, что блуждали по побережью. Знакомые рыбаки, лодочники и лавочники, нелепые и сгорбленные, брели сквозь туман. Какие-то долговязые дети с редкими зубами и впалыми щеками подманивали чаек рыбьими головами, а затем с оголтелым криком то ли ловили птиц, то ли распугивали их, стреляя из рогаток, или попросту швыряя булыжниками в птиц.

— Сэр? — сипло спросил старый лодочник.

Финтан очнулся и поглядел на перевозчика. В истерзанном цингой и скверной сыростью теле едва теплилась жизнь. Глубоко посаженные желтоватые глаза выглядели из-под выдвинутых надбровных дуг. Дряблую кожу, казалось, можно было снять, как чулок или перчатку, которая сильно велика.

— Пора, — молвил лодочник.

Туман настиг и полностью окутал их. Финтан крепче прижимал к себе холщовый мешок, пальцы непроизвольно впивались в эти жалкие пожитки. Казалось, что не лодка движется, а могучие черные скалы-исполины грозно надвигаются, в последний момент не дают страшному року случиться и, смилостивившись в последний миг, отходят прочь. К плеску весел стали примешиваться голоса. Сердце забило чаще, и единственное, что не дало приступу безумия настигнуть разум, — нос корабля с фигурой великолепной воительницы.

Взойдя на корабль, Финтан какое-то время стоял у борта, чувствуя приступ тошноты. За спиной раздавались свист и насмешки, по большей части от басистых моряков.

— Глянь-ка, как крутит салагу, а это мы с якоря не тронулись! — глумились моряки не столько от злобы, сколько со скуки.